

Z8

R9K57

1880

А. И. Кирпичниковъ.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРИИ КНИГИ.

STANFORD
LIBRARIES

Публичныя лекціи.

Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., д. № 8.

1889.

У82
К43

002

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ КНИГИ.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ, ЧИТАННЫЯ ВЪ г. ОДЕССѢ

проф. А. И. Кирпичниковымъ.

Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“.

АВД7173

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій проспектъ, д. № 8.
1888.

9581
17-65
45п
52

Дозволено пензурою. С.-Петербургъ, 21 Сентября 1888 г.

Очеркъ исторіи книги.

Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ г. Одессѣ

проф. А. И. Бирпичниковымъ.

ЛЕКЦІЯ I.

Книга до книгопечатанія.

Разсказываютъ *), что разъ въ парижскую публичную библиотеку пришелъ одинъ господинъ и сказалъ дежурному чиновнику:

— Дайте мнѣ самую старую книгу, какая есть на свѣтѣ.

— Самую старую печатную книгу или самую древнюю рукопись? спросилъ его чиновникъ.

— Я не знаю этихъ тонкостей, сказалъ посѣтитель:—я только хотѣлъ-бы видѣть самую древнюю книгу, какая только существуетъ, книгу, которая написана прежде всѣхъ.

Неизвѣстно, какъ-бы поступилъ въ данномъ случаѣ нѣмецкій или англійскій библіотекаръ: можетъ быть, онъ просто прогналъ-бы невѣжественнаго посѣтителя, а можетъ быть, стремясь съ полной добросовѣстностью исполнить его желаніе, привелъ-бы его къ витринѣ и показалъ-бы ему какъ древнѣйшую рукопись, находящуюся въ этой библіотекѣ, такъ и древнѣйшую старопечатную книгу. Весьма возможно, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ посѣтитель возвратился-бы домой не умнѣе,

*) *Egger*. Histoire du livre 1.

чѣмъ пришелъ въ бібліотеку. Находчивый французъ поступилъ иначе: не особенно затрудняя себя, онъ съумѣлъ дать посетителю назидательный и понятный урокъ и предложилъ ему... Библію.

Нѣтъ сомнѣнія, что такой простой отвѣтъ на мудреный вопросъ можетъ удовлетворить только весьма немудраго вопрошателя, который склоненъ смѣшать первенство по достоинству съ первенствомъ по времени. Въ глазахъ человѣка болѣе развитого, Библія, во-первыхъ, представляется не одной книгой, а цѣлою бібліотекою книгъ разныхъ эпохъ; а во-вторыхъ, и древнѣйшія изъ ея составныхъ частей предполагаютъ уже высокую ступень умственной, вообще въ частности литературной, книжной культуры. Эта книжная культура, какъ и все чело-вѣческое, начинается не сразу, и первыя стадіи ея, одновременно и независимо проходимыя людьми въ разныхъ концахъ земли, отдѣляются другъ отъ друга цѣлыми тысячелѣтіями.

Исходнымъ пунктомъ искусства письма служить ограниченность чело-вѣческой памяти. Изображеніе животнаго, служащаго родовымъ знакомъ умершаго индѣйца или указывающаго на его личное имя, и черточки углемъ или зарубки, которыми камчадалъ отмѣчаетъ число звѣриныхъ шкуръ, справедливо считаются началомъ письменности. Отъ этихъ напоминающихъ изображеній безконечно далеко не только до книги, но и до самой грубой іероглифической надписи на камнѣ или торговаго договора, кое-какъ начертаннаго на кускѣ невыдѣланной кожи. Нуженъ былъ умственный трудъ цѣлаго ряда поколѣній, чтобы выработать какое нибудь, хоть самое первобытное средство выражать потребные факты и мысли полнотію, такъ, чтобы ихъ понималъ не только авторъ или тотъ, кто слышалъ объясненія отъ автора, но и всякій другой членъ того-же общества, выучившійся разбирать эти знаки. Длинный рядъ поколѣній, цѣлыя сотни и тысячи лѣтъ потребовались на то, чтобъ прійти къ заключенію, что знаки, выражающіе звуки, гораздо удобнѣе, нежели знаки, выражающіе цѣлыя понятія. Какъ люди дорожили этимъ открытіемъ, видно изъ исторіи звуковой азбуки, которая, какъ оказывается, разъ вы-

думанная, въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій переходить, подвергаясь только легкимъ модификаціямъ, отъ одного культурнаго народа къ другому: отъ египтянъ къ финикіянамъ, отъ финикіянь къ грекамъ, отъ грековъ къ римлянамъ и т. д.

Но исторія нашей азбуки сама по себѣ могла-бы составить предметъ нѣсколькихъ чтеній; даже самый краткій очеркъ ея отвлекъ-бы меня далеко отъ моей темы, отъ исторіи камня, очертить которую въ двухъ лекціяхъ я могу только при условіи самой скрупулѣзной экономіи. Въ нынѣшней моей лекціи я буду говорить о книгѣ до начала книгопечатанія. Я буду до-нельзя кратокъ относительно колыбели цивилизаціи: Азіи и Египта и остановлю ваше вниманіе на книжномъ дѣлѣ въ Греціи, Римѣ и средневѣковомъ обществѣ, включая туда-же и наше русское.

Какъ среди американскихъ дикарей въ настоящее или недавнее время, такъ и за много тысячъ лѣтъ при началѣ нашей цивилизаціи, надгробные памятники—первый матеріалъ для передачи извѣстныхъ фактовъ на пользованіе отдаленному потомству. Такимъ образомъ, первая книга человѣка—деревянная или каменная; первое перо его—крѣпкій ножъ или топоръ.

Одновременно съ надгробными памятниками, появляются пограничные столбы и монументы, поставленные въ воспоминаніе какихъ-либо выдающихся событій. Эти столбы и природой созданныя скалы тоже служатъ записными книжками своего рода. Позднѣе ту-же роль играютъ каменные, потомъ металлическія плиты, на которыхъ вырѣзаются надписи. Остатки всего этого, не какъ потерявшее смыслъ *переживаніе*, а какъ естественную потребность упрочить надпись, мы видимъ до сихъ поръ вокругъ себя. Но, въ настоящее время, имѣя возможность сообщаться съ потомствомъ другимъ образомъ, человѣкъ въ такихъ разныхъ надписяхъ бываетъ до крайности лакониченъ. Не такъ бывало въ древности. На египетскихъ обелискахъ есть надписи, которыя, будучи воспроизведены въ печатной книгѣ средняго формата, занимаютъ въ ней многіе десятки страницъ. И позднѣе, въ греко-римскомъ мірѣ, когда уже существовали книги и даже цѣлыя бібліотеки, общественные договоры, дипломатическіе документы и даже нѣкоторые грамоты, касавшіяся частныхъ лицъ (напр., такъ называемыя

изъ волоконъ одного растенія — *папируса* (*cyperus papyrus*). Эта бумага была много хуже и много дороже нынѣшней и на ней писали только съ одной стороны. Тѣмъ не менѣе, это изобрѣтеніе имѣетъ громадную важность: только благодаря ему, умственная культура древняго міра могла подняться такъ высоко.

Папирусъ не дѣлился на листы, а изъ него готовили длинныя полосы въ родѣ нынѣшнихъ кусковъ узкаго полотна; эти полосы наворачивали на палку, оба конца которой имѣли утолщенія; на верхнемъ концѣ прикрѣплялся ярлычекъ съ обозначеніемъ заглавія, который высовывался изъ футляра, большею частію кожанаго, соотвѣтствовавшаго нашему переплету. Для переноски такіе свитки помѣщали въ круглыя корзинки, съ отверстіями во внутренней крышкѣ, въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ теперь помѣщаются флаконы съ духами. Въ библиотекахъ эти свитки не ставились, а клались на полки такъ, что ярлычки были на виду. Писали на нихъ или одной вертикальной колонной, длина которой равнялась длинѣ свитка, или поперекъ, рядомъ многихъ параллельныхъ колонъ. Остатки такого способа писанія на свиткѣ всякій изъ васъ, безъ сомнѣнія, видалъ, если не въ видѣ грамотъ, которыя у насъ на Руси писались на свиткахъ до начала XVIII вѣка включительно, то на старыхъ картинкахъ или иконахъ, гдѣ свитки со словами вытягиваются изо-рта говорящаго.

Папирусъ и способъ писанія на свиткахъ изъ Египта перешелъ въ Грецію около VII столѣтія до Рождества Христова, а оттуда и въ Римъ; но египтяне долго сохраняли монополию выдѣлки папируса, и только въ послѣднее время римской республики римляне завели собственные папирусныя фабрики.

Во время Плинія *) это производство достигаетъ въ римской имперіи высокой степени развитія, различается много видовъ бумаги, отъ перваго сорта, который употреблялся только для важнѣйшихъ документовъ, и до бумаги оберточной, стоившей сравнительно очень недорого. Употреблялся цвѣтной папирусъ или накрашенный съ одной стороны; былъ папирусъ

*) Отъ него получаемъ мы главные наши свѣдѣнія о папирусѣ. См. Hist. Nat. XIII, 11—13.

глянцевитый, очень красивый на видъ, но плохо вбиравшій въ себя чернила и т. д. Это производство было подвержено временнымъ остановкамъ вслѣдствіе неурожая папируса, изъ-за котораго одинъ разъ, при императорѣ Тиверіи, чуть не вспыхнуло народное возмущеніе. Въ эпоху эллинскую папирусъ былъ значительно дороже, нежели въ римскую; такъ при Периклѣ кусокъ папируса средней величины стоилъ около 4-хъ франковъ, т. е. въ двѣсти разъ дороже, чѣмъ теперь стоитъ листъ самой лучшей англійской бумаги; вслѣдствіе этого въ Греціи чаще, нежели въ Римѣ, шли въ ходъ другіе матеріалы для писанія, между прочимъ, черепки (откуда получилъ свое названіе извѣстный судъ на черепкахъ — *остракизмъ*). Но и въ римскія времена на черепкахъ нацарапывали или рисовали кистью счета, квитанціи, военные приказы и пр. Употреблялась также и кора дерева, береста *), какъ впослѣдствіи и у насъ на Руси; писали и на полотнѣ **). Но все это были исключенія, и въ бібліотекахъ, какъ и въ канцеляріяхъ, папирусъ царствовалъ безраздѣльно.

Во второмъ столѣтіи до Рождества Христова у папируса явился соперникъ, впрочемъ, въ началѣ не особенно могущественный, разумѣю *пергаментъ*. Кожа изстари служила употребительнѣйшимъ матеріаломъ для писанія на всемъ почти востокѣ. По преданію, св. книги древнихъ персовъ были написаны на 1200 бычачьихъ кожахъ. Съ востока обычай писать на кожѣ перешолъ и въ Грецію; когда впослѣдствіи сталъ входить въ употребленіе папирусъ, іоняне, до тѣхъ поръ одни только умѣвшіе писать, называли и его кожей ***). Иудеи удержали до нашихъ дней обычай писать заповѣди для синагогъ на кожѣ; въ древнія времена они дѣлали изъ кожи такіе большіе свитки, что на нихъ умѣщалось все пятикнижіе Моисеево. Когда малоазійскій царь Эвменъ II (отъ 197 до 158 г. до Рождества Христова) основалъ въ Пергамѣ большую би-

*) Что береста когда-то была очень употребительна, видно изъ латинскаго названія книги (*liber*), которое означало также кору дерева.

**) *Libri lintei*—полотняныя книги были, по свидѣтельству Ливія, военными списками должностныхъ лицъ; онѣ хранились въ храмахъ.

***) *Διγδάρα* см. Нер. V, стр. 58.

условленное число экземпляровъ; утромъ на другой день на столбахъ и перекресткахъ красовалось объявленіе о появленіи у такого-то книгопродавца такой-то поэмы, а черезъ посредство *римской газеты* о томъ-же черезъ нѣсколько дней узнавали и самыя отдаленныя провинціи имперіи.

Да, гг., у римлянъ была своя ежедневная газета, такъ называемая *Acta Diurna* или, для краткости, просто *Diurna*, положимъ, безъ передовыхъ статей и фельетоновъ, но за-то безъ грязной полемики и безъ газетныхъ утокъ. Она заключала въ себѣ краткія, но за то вѣрныя извѣстія о новыхъ законахъ, о переѣнахъ въ администраціи, о политическихъ новостяхъ, о смертныхъ и другихъ случаяхъ, о зрѣлищахъ и, между прочимъ, о новыхъ книгахъ. Благодаря отличнымъ римскимъ дорогамъ и безукоризненному устройству почты, она получалась на Рейнѣ, въ нынѣшнемъ Кельнѣ, черезъ двое сутокъ послѣ выхода. Газета, какъ и книги, диктовалась сразу огромному количеству искусныхъ скорописцевъ. Насколько скоро работали римскіе писцы, видно изъ словъ сатирика Марціала *), который говоритъ, что вторую книгу его эпиграммъ писецъ переписываетъ въ одинъ часъ; эта книга заключаетъ въ себѣ 93 эпиграммы, которыя составляютъ 540 стиховъ, не считая заглавій; стало-быть, писецъ (*librarius*) писалъ по крайней мѣрѣ 9 стиховъ въ минуту. Разумѣется, эта изумительная скорость возможна только при условіи всѣмъ понятныхъ сокращеній, въ родѣ тѣхъ, къ которымъ теперь прибѣгаютъ студенты, записывающіе лекціи прямо начисто и безъ посредства стенографіи.

Но у древнихъ была и стенографія и даже нѣсколькихъ системъ. Въ Римѣ въ наибольшемъ ходу были такъ называемые тироновскіе знаки (*notae*), изобрѣтенные вольноотпущенникомъ и воспитанникомъ, а потомъ помощникомъ и другомъ Цицерона Тулліемъ Тирономъ. Такія *notae* употреблялись въ судахъ и публичныхъ заведеніяхъ, и секретари, писавшіе ими, назывались *нотариусами* **). Для книгъ эти значки, конечно, не годились.

*) II, 15. Haec. una peragit librarius hora.

**) Авзоній хвалитъ тахиграфовъ (скорописцевъ), поспѣвающихъ за словами оратора, а Квинтиліанъ жалуется на нихъ.

При множествѣ рабовъ, трудъ былъ вообще дешевъ въ Римѣ, стало быть, не были дороги и книги. Вышеупомянутый Марціалъ говоритъ, что его Ксеніи, занимающія теперь въ изданіи Тейбнера 14 убористыхъ страницъ, издатель Трифонъ продавалъ по 4 сестерціи, т. е. около 30 коп. даже при нынѣшнемъ курсѣ, и по словамъ сатирика, Трифонъ не былъ-бы въ накладѣ, если-бы назначилъ даже вдвое меньшую цѣну. При незначительности гонорара и при полной возможности сомнительную книгу выпускать сперва въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, издатель почти ничѣмъ не рисковалъ, не терпѣлъ убытковъ ни на одной книгѣ и, стало быть, не долженъ былъ наверстывать ихъ на другой.

Кромѣ обыкновенныхъ дешевыхъ экземпляровъ, на полкахъ магазиновъ лежали и всякія чудеса каллиграфическаго искусства: были экземпляры, роскошно иллюстрированные; были компактыя книги, книжки-крошки; Цицеронъ видѣлъ экземпляръ Илиады, который могъ помѣститься въ скорлупѣ орѣха; упоминается полный экземпляръ Ливія (127 книгъ), уписанный въ одномъ томикѣ, и т. д.

Помимо книгъ красивыхъ и всякихъ курьезовъ, высоко цѣнились экземпляры, исправленные извѣстными грамматиками или самими авторами, особенно-же автографы писателей; эти автографы до книгопечатанія вовсе не составляли предмета любительской роскоши, а представляли единственный безукоризненно вѣрный экземпляръ. Еще въ Афинахъ въ государственномъ учрежденіи Акрополѣ складывали извѣстныя книги, очищенные отъ ошибокъ. Въ Римѣ при большомъ книжномъ магазинѣ былъ одинъ или нѣсколько грамматиковъ, на обязанности которыхъ лежало исправленіе рукописей; исправивъ экземпляръ, они скрѣпляли его своею подписью.

Дороговизна автографовъ вызвала поддѣлки; поддѣлывались и подъ стиль писаря, и подъ его руку. По смѣлости литературныхъ обмановъ древніе не только не уступали намъ, но, по неразвитости критики, даже значительно насъ превосходили: были въ ходу письма Пріама, автографы Гомера и т. д. Плагіатъ, т. е. литературное воровство, былъ тоже въ ходу, только не въ такой степени: литература приносила меньше денежныхъ выгодъ.

Книжные магазины въ Римѣ, какъ у насъ въ эпоху Смирдина, служили мѣстомъ свиданія литераторовъ, ученыхъ и любителей литературы; при магазинахъ находились и кабинеты для чтенія, гдѣ за небольшую плату можно было просмотрѣть литературныя новинки или сличить свой экземпляръ съ исправленнымъ. Въ эпоху императоровъ подобные-же книжные магазины съ кабинетами и съ залой для переписчиковъ появляются почти во всѣхъ городахъ провинціи. Плиній Младшій съ удовольствіемъ узналъ, что въ отдаленномъ Ліонѣ его книги стоятъ, выражаясь по нашему, «на выставкѣ». Въ небольшомъ городѣ Помпей уже откопали книжную лавку, при которой находилось помѣщеніе для писцовъ. Въ риторскихъ школахъ и даже во многихъ помѣщичьихъ замкахъ, имѣлись очень хорошія бібліотеки.

На минуту позволяю себѣ отвлечься отъ внѣшней исторіи книги, которая составляетъ предметъ моей лекціи, чтобы заглянуть въ ея внутренность, и сказать два слова о положеніи писателя въ древнемъ, и спеціально въ римскомъ мірѣ; вѣдь это положеніе опредѣляется тѣмъ вліяніемъ, какое книга производитъ на общество. Тогда мгновенно потускнѣютъ блестящія краски, въ которыхъ обыкновенно изображается культура древняго міра, и раздушенный римскій аристократъ, все утро шатающійся по книжнымъ магазинамъ, держащій дома десятки рабовъ-либраріевъ и тысячи книгъ, способный изловить Виргилія на ошибку въ просодіи и не говорящій десяти словъ безъ греческой цитаты, окажется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе варваромъ въ книжномъ дѣлѣ, нежели грубый крестоносецъ-солдатъ или малограмотный удѣльный князекъ русскій: тѣ, по крайней мѣрѣ, преклонялись хоть передъ одною книгою, и высоко чтили хоть одинъ видъ умственного труда; римлянинъ не дѣлалъ такихъ исключеній, и для него всѣ книги, конечно, кромѣ счетныхъ и подобныхъ имъ, были приблизительно тѣмъ-же, чѣмъ карты для петербургскаго чиновника, и онъ собиралъ книги такъ-же, какъ теперь любители собираютъ почтовые марки разныхъ странъ и народовъ.

Здѣсь я не могу обойтись безъ примѣровъ; я возьму только два общезвѣстныхъ, и съ перваго взгляда, говорящихъ про-

тивъ меня. Это — Цицеронъ и Горацій. Первый изъ нихъ изъ провинціальныхъ всадниковъ достигъ, благодаря своему литературному образованію и таланту, высшей ступени въ государствѣ и, не смотря на свой нестойкій характеръ и политическую близорукость, игралъ первенствующую роль въ исторіи своего времени; второй, сынъ вольноотпущенника, безславно потерявшій отцовское наслѣдство въ политической бурѣ и занимавшій незначительную должность квесторскаго писца, своими стихами, отнюдь не льстивыми, открылъ себѣ доступъ къ столу и сердцу полномочнаго министра Августа, былъ предметомъ зависти аристократовъ, получалъ лестныя предложенія отъ самого властителя міра, прожилъ весь свой вѣкъ въ довольствѣ и спокойствіи и не умеръ богачемъ только потому, что самъ не захотѣлъ этого.

Но еслибъ Цицеронъ не выступилъ въ качествѣ адвоката, онъ не былъ-бы политическимъ дѣятелемъ; а еслибъ онъ не былъ консуломъ, не обличалъ Катилины, не являлся ораторомъ могучей политической партіи и ограничилъ-бы свою дѣятельность писаніемъ книгъ по теоріи и исторіи ораторскаго искусства и философскихъ трактатовъ, можетъ быть, до насъ не дошло-бы и самое имя его; во всякомъ случаѣ, онъ не былъ-бы извѣстнѣе Квинтиллиана. Онъ тогда садится за книги, когда политическая волна выбрасываетъ его изъ города въ провинцію или въ деревню, и на свое писательство самъ смотритъ, какъ на отдыхъ, какъ на жизнь для себя. Его книги читались съ вниманіемъ къ содержанію такими-же отшельниками и мыслителями поневолѣ, какъ и онъ самъ; прочіе-же интересовались ими ради знаменитаго стиля, или ради еще болѣе знаменитаго имени автора.

Еслибъ Горацій не нашелъ друга и покровителя въ Мecenатѣ, онъ и окончилъ-бы жизнь въ званіи квесторскаго писца. Въ своихъ умныхъ и тонко обдѣланныхъ одахъ и сатирахъ онъ слѣдуетъ за общественными идеалами, а не направляетъ ихъ; онъ примиряетъ общество съ существующимъ порядкомъ, и за это-то миролюбіе, соединенное съ прекраснымъ стилемъ, ему и предлагаютъ мѣсто домашняго секретаря императора, которое при наслѣдникахъ Августа зани-

жали грязные вольноотпущенники. Какъ мало это похоже на афинянъ, которые, говорятъ, назначили Софокла стратегомъ за то, что онъ вложилъ въ уста одного изъ своихъ героевъ прекрасный монологъ объ обязанностяхъ стратега!

Вообще въ Римѣ жизнь и литература шли независимо одна отъ другой, и напр. писаніе слащавыхъ идиллій въ то время, какъ происходила страшная революція монархизма, никого не поражало странностью. Были, правда, исключенія въ родѣ Ювенала и Тацита; но исключенія не измѣняютъ правила. Въ общемъ-же, вслѣдствіе этой отчужденности отъ жизни, римская литература, сравнительно съ греческой и нововвроевской, носитъ школьный, мертвенный характеръ.

Великое переселеніе народовъ и побѣда христіанства надъ язычествомъ произвели страшную революцію въ исторіи книги, такъ-же, какъ и во всѣхъ другихъ средахъ человѣческой жизни. Вторженіе варваровъ въ предѣлы имперіи на первое время, разумѣется, должно было имѣть только отрицательное вліяніе. Человѣку на низкой ступени развитія свойственно непріязненно относиться къ тому, чего онъ не понимаетъ, и нечему удивляться, что вандалы или гарулы, грабя римскій городъ, съ особеннымъ удовольствіемъ рвали на куски папирусные свитки или складывали изъ нихъ потѣшные костры. Распространеніе между ними христіанства вселило въ нихъ уваженіе къ книгѣ церковной, но не измѣнило къ лучшему ихъ отношенія къ свиткамъ, заключавшимъ мудрость древнихъ; напротивъ того: прежде они смотрѣли на эти свитки, какъ на непонятныя игрушки, истреблять которыя было удовольствіе; теперь-же, если въ ихъ рядахъ были фанатическіе аріанскіе священники или египетскіе старцы, сожженіе этихъ свитковъ представлялось имъ дѣломъ богоугоднымъ.

Высокоцитимые вѣроучители цивилизованныхъ христіанъ, по отношенію къ этой языческой мудрости, раздѣлялись на двѣ партіи, соотвѣтственно времени, когда они жили, и условіямъ своего воспитанія. Одни изъ нихъ считали науку и поэзію древнихъ необходимымъ или, по крайней мѣрѣ—полезнымъ